

Москва

5
2016

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив

журнала «Москва»

16+

5
2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Анатолий ГРЕБНЕВ. Берег юности. Стихи	3
Георгий ГОРЕЛОВСКИЙ. Копать совсем не тяжело. Повесть	13
Алексей ДЬЯЧКОВ. «Похоронщик». Рассказ	50
Владимир СКИФ. По краю космоса. Стихи	56
Евгений СКРИПИН. Рожки дьявола. Из дневников	62
Марина КУДИМОВА. Большой вальс. Повесть	84

Наши публикации

Георгий ДЕМИДОВ. Убей немца. Рассказ.	
Предисловие Валерии ШУБИНОЙ	116

ПУБЛИЦИСТИКА

Денис МАЛЬЦЕВ, Лариса УСОВА, Юрий СОШИН, Артур АТАЕВ. Отстаивая статус победителя	142
Константин ЗАЛЕССКИЙ. «Два поколения назад...»	166
Сергей ЕЛИШЕВ. Обыкновенный нацизм	173

КУЛЬТУРА

Юрий КОМАРОВ. Притцкеровская премия	186
Ирина СВИСТУНОВА. От Стамбула до Каппадокии	200

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Станислав ЗОТОВ. «Стоять на охране Конституции и нашего закона». — Вячеслав КИКТЕНКО. «Бежин луг» как судьба России. — Алекс ГРОМОВ. Время и люди	210
--	-----

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Александр ВАСЬКИН. **Оплот культуры и просвещения:
к истории Благородного собрания Москвы** 218

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Священник Валерий ДУХАНИН. **Злые духи и как они влияют
на людей** 225
Диакон Илья МАСЛОВ. **Данилевский — русский стратег
современной России** 230

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Отдел культуры О.Ю. ТАРАНЕНКО (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ,
М.Б. СМОЛИН (председатель), епископ ТИХОН (ШЕВКУНОВ),
И.Р. ШАФАРЕВИЧ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 21.04.16. Формат 70x108 1/16. Бумага типографская № 2. Печать офсетная.

Тираж 1480 экз.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 73253 — каталог РОСПЕЧАТЬ, 15612 — «Пресса России», 45211 — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

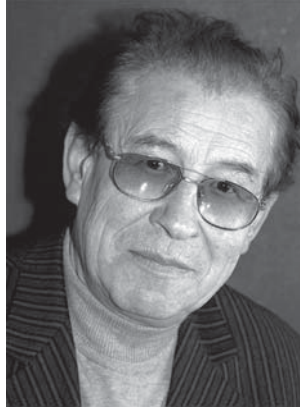
e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор». 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1. Сайт: www.chpd.ru; e-mail: sales@chpk.ru, 8(495) 988-63-87.

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 5, 2016

БЕРЕГ ЮНОСТИ

* * *

Да нет, душою старше мы не стали,
Но ты вздохнешь о той поре тайком,
Когда с тобой без крыльев мы летали
И бегали по небу босиком.

Теперь как будто все наперевертку
И видится, и чувствуется вновь,
А первая из речки красноперка
Нам памятна, как первая любовь.

И всю-то жизнь, а почему — не знаем,
Счастливыми и в самый черный миг
Мы снова в детство душу окунаем —
В живой и чудотворный наш родник.

Анатолий Григорьевич Гребнев родился в 1941 году в с. Чистополье Котельничского района Кировской области. Окончил Пермский медицинский институт и Литературный институт им. А.М. Горького.

Работал в сельской больнице Кировской области и продолжает работать врачом в Перми.

Автор поэтических сборников «Приволье» (1972), «Родословная» (1977), «Зеленый колокол» (1978), «Круговорот» (1980), «Храм» (1991), «Возвращение» (1991), «Колокольчика вятского эхо» (1995) и др.

Лауреат премии имени А.Гайдара (1980), премий Прикамья за книги «Колокольчика вятского эхо» и «Родины свет» (2002), премии журнала «Москва» (1997), премии «Имперская культура» имени Э.Володина за книгу «Берег родины» (2004), лауреат премии А.Решетова (2007), лауреат премии имени Н.Заболоцкого (2008). Заслуженный работник культуры РФ.

Член Союза писателей России, член Общественного совета журнала «Литературный Ульяновск».

Живет в Перми.

Сокровенного слова сиянье

Как же их происходит слиянье
И откуда рождаются вдруг
Сокровенного слова сиянье
И напева небесного звук?

Из каких же божественных далей
На безлюдье вселенской глуши —
Вечный трепет любви и страданий
Плач и вера бессмертной души?

Хорошо, что ты есть у меня

— Нас с тобой не побьешь,
не повалишь.

Хорошо, что ты есть у меня! —
Так сказал мне мой друг и товарищ
На краю беспросветного дня.

Толковать нам об этом не нужно,
Все, что есть,
Все, что было, цена.
Есть мужская надежная дружба.
Хорошо, что ты есть у меня.

Без огня даже чай
не заваришь.
Словно погреб, душа без огня.
— Наливай, да покрепче, товарищ!
Хорошо, что ты есть у меня.

Заболоцкий

Буйной зеленью мир облолся.
Вятским зябликам удержу нет.
Здесь когда-то бродил Заболоцкий —
Просто мальчик,
безвестный поэт.

Здесь, у жизни еще на пороге,
Чуя вечную душу ее,
В превращеньях бессмертной природы
Он поверил в бессмертье свое.

И сейчас в его строках нетленных,
В коих сердце поэта и труд,

Люди,
 звери
 и звезды Вселенной
 Мыслят,
 гибнут,
 страдают,
 живут.

Ни потери,
 ни поздняя слава
 В новой жизни уже ни к чему.
 В листьях,
 птицах,
 туманах и травах
 Хорошо и негорько ему.

Пеньем зяблика,
 столбиком света
 Из тумана в родимом краю
 Вдруг аукнется голос поэта,
 Слыша душу живую мою.

Великорецкий крестный ход

Зачем плыву я, просветленный,
 Рекой подхваченный людской,
 И за Крестом, и за иконой —
 С любовью, верой и тоской?

Зачем я вглядываюсь в лица,
 Как будто я хочу узнать
 Родного брата, иль сестрицу,
 Иль похороненную мать?

Зачем я слушаю молитвы,
 И подпевать стараюсь им,
 И чувствую, что все мы слитны
 Единым сердцем — вместе с Ним?..

А ночью лес в цветущих купах
 На откуп отдан соловьям.
 И голубой июня купол
 Объял природы светлый храм.

И пусть заброшенный поселок
 Таит церковей немую сень,
 Полуразрушенные села
 И боль забытых деревень;

Смотри на Крест, шагай за другом,
Среди людей своих дыша, —
Преображается округа,
И возрождается душа!

И вечно будет жить Россия,
Пока с Крестом из года в год
Идет, идет в места святые
Великорецкий крестный ход!

Жизнь

То она закружит, то завертит —
Некогда покаяться в грехах,
Некогда задуматься о смерти,
Вся-то жизнь проходит впопыхах.

Неужели и в конце дороги,
Рядом с приближающейся тьмой
Так и не почувствуешь ты Бога?
Неужели? Боже, Боже мой...

Метельный вальс

Не ангелы в душу слетели,
Не к Богу душа поднялась —
Щемящим порывом метели
Ударил свиридовский вальс!

И боль, и мольба, и рыданье,
И ропот смертельных разлук —
В такие пределы страданья
Уносит божественный звук!

И сам я не знаю, куда я
В метельном круженье лечу —
К могилам родных припадаю,
Обнять всех живущих хочу.

Как искры в сплошной круговерти,
Пронесются мысли во мне
О собственной жизни и смерти,
О собственной горькой вине.

Бушует вселенская вьюга,
Сливаются в хор голоса...
Плечом я почувствую друга,
Очнусь и открою глаза.

Рябиновый свет

Красной рябиновой веткой
Свет в материнском окне.
Спросит с участием соседка,
Вижу ли маму во сне.

И убежденно толмачит,
Истовой веры полна:
— Не обижается, значит,
Если не снится она.

Нет утешенья на свете!
Все на земле трын-трава.
Что мне пустые приметы,
Странные эти слова!

В сердце бывшее теснится —
В росах, в сиянье, в дыму.
Мама мне больше не снится.
Но почему, почему?..

Сколько ты в жизни стерпела,
Сколько снесла от людей!
Только терпеть и умела
В горькой доле своей.

Все я теперь понимаю.
Глажу холодный песок.
Ты бы обиделась, мама,
Там на меня хоть разок.

* * *

Ну вот где рябины мои и березы
Баюкают холмик могильной земли.
Скипелись в душе непролитые слезы
И камнем тяжелым в изножье легли.

И пусть на душе
Ни просвета надежды —
Я снова с тобой,
Моя тихая мать.
Я чувствую,
Любишь меня ты, как прежде,
Как прежде,
Умеешь меня понимать.

Как прежде,
Одна у меня ты на свете.
А время, давно потерявшее счет,

Над нами шумит неумолчно,
 Как ветер,
 Тихонько качает
 И вместе несет...

Ласточка-касатка

Со свиданьем, родина!
 В родовой избе
 Я вернулся вроде бы
 К самому себе.
 Ничего не делаю,
 На крыльце сижу,
 За касаткой смелою
 Радостно слежу.
 У нее заботушка —
 Птенчики пищат:
 День-деньской работушка —
 Кормит ластовчат.
 Улетит, воротится,
 Заснует опять.

Все она торопится
 Их крылом обнять.
 Здесь, под кровлей светлою,
 Гнездышко свила.
 А скажи, приветная,
 Ты меня ждала?
 Ты ведь знаешь, ласточка,
 Знаешь, почему
 Нету мамы ласковой
 У меня в дому.
 Свет души застенчивый,
 Отчее село...
 Мне бы тоже птенчиком
 Под твоё крыло!

Русская печь

Как нужна божнице свечка,
 Что с молитвой зажжена,
 Так избе большая печка,
 Печка русская нужна.

Чтоб топилась век, не гасла,
 Чтоб варила и пекла —
 Как лебедушка, прекрасна,
 И приветна, и бела.

Я на ней, не вру, родился.
 Я на ней, как в сказке, рос.
 И кормился, и поился,
 Мылся, парился — в мороз.

И когда с чужбины дальней
 Возвращаюсь я домой,
 К русской печке припадаю,
 Словно к матери родной.

Вот она живая светит,
 Жар душевный отдает,
 И обнимет, и приветит,
 Детство давнее вернет!

12 июля

Благовестом в честь Петра и Павла
 День с утра, как медом, напоен.
 Желтой пеной таволги оплавлен
 Синий сенокосный оком.

Постепенно отсветы померкли,
 Тонко затуманились луга.
 В поднебесье возносясь,
 Как церкви,
 Золотятся лунные стога.

Родина,
 Любимая,
 Я верил,
 Что к тебе я снова ворочусь,
 Что оплачу
 Все твои потери,
 Что молиться снова научусь!

* * *

И снова Родина светла
 На переломе невеликом.
 Уже малина отошла,
 Уже поспела ежевика.
 Еще не выкошена рожь,
 Но вдруг душа прослышит
 Осень
 В неясном шуме сникших сплошь,
 Тяжелых, впрозолоть колосьев.
 Еще чиста за речкой даль
 И журавли не открывали.
 Еще покамест не печаль,
 А лишь предчувствие печали.

* * *

Ходит-бродит, блуждая в былом,
 Не тоска —
 Бесприютная память живая.
 И, как вечность,
 Струится родная река,
 Берег юности мой
 Подмывая.

Посижу, подышу
 В золотом дубняке,
 Где листва и не думает падать.

И спасибо скажу
на прощанье реке
За ее сокровенную память.

* * *

Как молодости пылкое веселье,
Повыкипело лето — все, до дна.
И с головой великий мир осенний
Туманом затопила тишина.
Под непроглядной пасмурью
равнины
Сырой рассвет росинки не зажег,
Лишь красный свет струится
от рябины
На смутно проступающий стожок.
Угрюмый день из забвения
восходит,
Ему глухих предчувствий не избыть.
И вот опять задумалась природа,
Что делать ей и как ей дальше
быть.
Крик журавлей, печальный
и высокий,
Возникнет вдруг,
И вздрогнет небосвод.
И семечко пушистое осота
Невиданной планетой поплывет.

* * *

Завтра — последний экзамен,
А на душе — соловьи.
Перед моими глазами —
Милые очи твои...

После веселой вечерки
До деревеньки лесной
Лучшую в мире девчонку
Я провожаю домой.

Нежная полночь июня,
Песня, летящая вслед,
Свет удивительный лунный,
Лунный волнующий свет!

Песня — про лунные ночи.
В песне поют соловьи.
Песня — про девичьи очи.
Вот они — очи твои!

Вот они — девичьи руки!
И, до стеснения в груди,
Эти счастливые муки —
Под руку рядом идти.

Черемуховый холод

Затяжной черемуховый холод.
Как судьбу, его не проведешь,
Потому что он всегда приходит,
Если ты, черемуха, цветешь!

Как невеста трепетная
В мае,
От людей еще страдаешь ты.
Как жестоко все тебя ломают!
Не жалеют люди красоты!

Я и сам
Ломал тебя беспечно.
Но с годами, чувствую,
Сильней
Жаль мне этой девичьей,
Невечной,
Подвенечной прелести твоей.

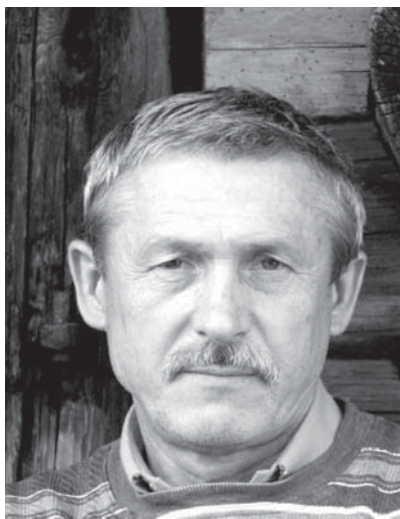
Но с годами,
Становясь нежнее,
С горькой покаянной виной,
Схожую с черемухой,
Жалею
Женщину,
Покинутую мной.

* * *

За далью стылою, любую
Тебя в душе я берегу,
Мечтая встретиться с тобою
На чудном летнем берегу.

И наугад, не зная броду,
Опять вдвоем, опять вдвоем,
Мы в ту же реку, в ту же воду
С тобой счастливые войдем.

ГЕОРГИЙ ГОРЕЛОВСКИЙ

КОПАТЬ СОВСЕМ НЕ ТЯЖЕЛО

Георгий Александрович Гореловский родился в 1951 году в Псковской области. Окончил Ленинградское арктическое училище по специальности радист. Работал в Арктике, ходил на судах Рижской базы Реффлота.

В 1984 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Жил в Риге. Когда Союз начал разваливаться, вернулся в родную деревню, работал учителем литературы в местной школе.

Автор пяти книг прозы, публикаций в периодике.

Член Союза писателей России.

Живет в деревне Крулихино Псковской области.

ПОВЕСТЬ

Был я смятен и ликовавал. Грезилось мне море, покрытое парусами...

Александр Грин. Автобиографическая повесть

К тайнику

У обелиска «Разорванное кольцо» Юрий Семенович попросил остановиться. Вышли из машины, обошли памятник.

— Не знаю, вроде все так же: бетон, цветы, стихи на стеле... «Потомок, знай! В суровые года...» Поехали, теперь близко. Мы досюда вечерами пробежки делали. Засеки на спидометре, сколько это получится...

Уселись, небыстро поехали.

— А почему именно такой срок — сорок лет? — спросил сын, молодой человек лет тридцати, с короткой спортивной стрижкой, высоким крутым лбом, такой же светлый, как отец. Губы у него были яркие, плотно сжатые, взгляд цепкий, насмешливый. — Не пятьдесят, скажем, или тридцать?

— А это случайно — жребий. Валере, в его неполных шестнадцать, и двадцать лет казались вечностью, Гена, смотря по настроению, то говорил, что его и через год в Ломоносове зарезать могут, то давайте через пятьдесят, мы с Лешей склонялись к цифре 30, Саше почему-то нравилось именно сорок... Чтобы никому не было обидно, свернули пять бумажек с цифрами 20, две по 30, 40, 50. Бросили в шапку, тянуть доверили младшему, Валере, и тот достал жребий с цифрой 40. Наверно, это было ребячество, вы уж простите, но вот едем...

— Да что вы, Юрий Семеныч, обернулась невестка, — вовсе не ребячество. Очень даже интересно!..

— И сорок лет ни о ком ни-ни? Ничего не известно?

— Сведения старые и непроверенные... Если что и прояснится,

то нынче летом. Зимой же не будешь землю долбить... Так договаривались. Ну, знаю, например, что Лебедев Леша женился на острове Врангеля, потом жил сколько-то в Певеке. Посылал ему письмо на родину, под Новгород, у меня был адрес, — как в яму. Пытался искать в Питере, через общую знакомую, была у нас такая, Валя, жила на Пискаревском, а Лешина двоюродная сестра училась вместе с ней в институте. Но Валя исчезла, я не нашел ни ее, ни родственников на старом месте. Тогда все летело в яму... Саша Шибанов застрелился на полярной станции, вроде бы из-за женщины. Тоже на уровне слухов, не проверено. Ну а о Гене Грозе и Валерике не знаю ничего. Хотя к Гене в Ломоносов мы на последнем курсе с Лешкой съездили, посидели, пообщались, Ладогу вспомнили. Это было тридцать девять лет назад...

В машине наступило молчание. Прервал его сам Юрий Семенович:

— Мы рвались в жизнь, в неизвестное. Вы сейчас все знаете из компьютера, и вам скучно — по клоакам лазаете, страшного да интересного разыскиваете, в пукалки играете. А мы не играли в жизнь, мы просто жили с утра до ночи. Пребывание в жизни слаще, чем сухие знания о ней. Хорошо как сказал, а!.. И не ночью жили, как нынешняя молодежь, а как раз в светлое время — когда птицы поют, солнышко светит. Мы все познавали сами. Для этого надо было встать с дивана, знаете ли, иногда засучить рукава, натянуть болотники или фуфайку и делать что-то конкретное, видимое. А потом открыть толстую книгу с библиотечным номером, тетрадь в клеточку да взять ручечку... И найти подтверждение, объяснение тому, что сделал, видел, додумал. Или просто узнать о тех краях, в которых тебе никогда не доведется побывать. Ах, как было интересно! Журнал «Вокруг света» был любимейшим чтением, дорогие вы мои! Его номер стоил сумасшедшие деньги — 80 копеек! На него подписывались в складчину, читали семьями, передавали друзьям!.. Нам было интересно! Теперь вы можете куда угодно поехать, да, но вам и там ведь скучно. Потому что очень легко и просто все достается, ум продолжает спать, он не работает, считывает одни картинки, ну а плоть натешись быстро. А собственно картинки можно смотреть, пока глаза не заболят.

Тут вот еще какая беда... Мы жили, а вас заставляют выживать. Это не ваша вина, но это факт. Не было столько богачей, но не было бомжей и нищих. Это плохо? А я считаю, хорошо! За образование ничего не нужно было платить — тоже, считаю, хорошо! Ты получал направление на работу, подъемные и там, на месте, комнату или койку в общежитии. А что, человеку в двадцать лет нужны сразу хоромы? Да зачем, когда в них сидеть, если кругом так интересно! И есть уверенность в завтрашнем дне — рано или поздно у тебя все будет. Она действительно была, уверенность, понимаете? Поэтому утром снова в мир с открытым забралом, с открытым сердцем, с радостью, черт возьми, а не со счетчиком денег в глазах, как сейчас.

Жизнь — это не деньги, жизнь — это любовь, ребятки... К женщине, другу, любому встречному. И когда он к тебе идет навстречу с таким же настроением — вот вам и счастье, вот и смысл. Согласны? Понятно?

— Да, красиво, — сказала невестка, женщина молодая, ухоженная. — Но разве так было?

— Было. У меня — было. Значит, и у тех, кто находился рядом. А этого достаточно. Человеку нужно совсем немного. И не два аршина земли, как Толстой под старость говорил, а чтобы люди, окружающие его, были счастливы и здоровы. Вот и все. Остальное от лукавого.

— Но человеку же всегда хочется большего!

— Я и говорю: от лукавого. Фантазия безгранична, да, но потребности должны быть ограничены, иначе трагедии не избежать. Да она и есть во-круг, разве не понятно?

— То есть смирение?

— Да не смирение, — Юрий Семенович засмеялся, — а совесть. Вот у эллинов не было понятия совести. Они придумали свое право, а про совесть забыли. И чем все закончилось? Красивыми каменными руинами!..

Молодой человек склонил голову к жене и с улыбкой, как любезность, в полголоса произнес:

— Только не спорь с ним.

Та улыбнулась в ответ:

— Да я и не собираюсь.

— Вот отбери у вас телефоны — половина выбросится в окно. Думаю, рано или поздно это будет сделано. Видно, время не пришло, еще можно потаскать кота за хвост. — Юрий Семенович махнул рукой. — Извините, понесло. О чем мы говорили?

— Юрий Семеныч, с вами о чем угодно интересно разговаривать.

— Спасибо, милая... Ну, коли продолжать тему... Я вот никак не могу понять, зачем вы каждый чих выкладываете в свой Интернет? Ну, должно же быть за душой что-то сокровенное, прожитое только тобой или только двоими и для двоих! Должна быть тайна, святое, если хотите. Только тогда и возможна искренность, истинные чувства. А когда ты знаешь, что все, до трусов, станет известно десяткам или сотням малознакомых тебе людей... Что? Друзей?.. Бросьте! Друзей столько не бывает даже в молодости, не надо тут мне, больному и старому человеку, чушь нести! — Тональностью шутивого гнева Юрий Семенович владел виртуозно, она сглаживала углы в обоюдоостром разговоре. — Это не друзья, а набитый праздной толпой зрительный зал. Ну а кому интересно, тот и ваш банковский счет изучит до последней цифры. Разве не так? Вы же сами прекрасно знаете, что находитесь под колпаком! Как препарированные лягушки. Мюллер о таком и не мечтал!..

Молодые, к которым сейчас были обращены слова Юрия Семеновича, рассмеялись и ничего не возразили.

— Не понимаю, почему, собственно, это вам нравится? Это уже род эксгибиционизма получается. Да, так вот если знаешь, что душу свою предстоит вывернуть на всеобщее обозрение, то и начинается уже не жизнь, а театр. И очень плохой театр, показуха, откровенное вранье. Потому что до театра надо еще дорасти. Пушкин, когда писал письма жене, то только ей одной и писал, для ее ушей и ее сердца. Там всякое встречается, всякое!.. Но это все интимно, поэтому прелестно. Чаше он писал ей на французском. Русский, по Пушкину, несколько все же грубоват для изливания сокровенного. Да, теперь они переведены и опубликованы, и их читаешь как роман. Нынешние же ваши «клёвые» пуки умирают буквально через день. Пук и есть пук. После вас ничего не останется, все будет стерто! Представляете? После вас тишина и пустота! На скрижалях истории — чисто. Были вы или не были — поди докажи.

— Некорректно! — возразил сын. — Мы не Пушкины.

— Конечно. Это для наглядности. Писали-то все, и многое уцелело, оттуда теперь и черпают разные сведения. Нет, вы только вообразите себе, что бы мы знали о Пушкине и его современниках, если бы они пользовались мобильными телефонами?.. Почти ни-че-го! Столько же, как о веке двенадцатом, — одни легенды. Материальные памятники, что дошли до нас, стали бы во многом загадками. Как археологические находки.

— Отец, ты ломишься в открытую дверь. Просто изменились носители информации, и все. Раньше писали на бумаге, теперь в электронном виде. В чем проблема?

— А в том, что новгородский берестяной носитель я и при луне прочитаю, а твоему нужна розетка с током, понимаешь — розетка! Без нее твои носители — куча мусора! Еще и экологически вредного!

— Да вон у меня в машине розетка!

— Сынок, так в твою машину надо ведро бензина залить, чтобы она заработала! А чтоб это ведро бензина выгнать...

— Прекратите! — взмолилась женщина. — Это не интересно. Я не хочу слушать про розетки, пожалуйста!..

— Действительно, отец, извини, тут ты прав.

— Это не я... Все проверяется временем, сын. В молодости этого просто не осознаешь, живешь сегодняшним и воспринимаешь все остро, до болезненности. Все так, все так...

— Юрий Семенович, вы что-то хотели рассказать о письмах...

Сын с удивлением покосился на свою жену.

— Что же... И я писал, мое поколение еще писало, слава богу. Мы вели дневники, всякие тетради по интересам, песенники. Я вот в школе, помню, вел дневник подводной охоты! Летом писал, а зимой перечитывал, рисовал, что-то клеивал — блаженство!.. Душа трудилась. Все б отдал, чтоб хоть одним глазком на него взглянуть! Не сохранился, конечно... А любовное письмо! Да это же целый обряд, действо! Представьте, вечером, когда все уgomонились, освобождается от посторонних предметов стол, и в теплом круге света от настольной лампы или торшера раскрывается тетрадь в линейку или клеточку. Вынимается лист, обязательно двойной, потому что письмо будет большим, подробным, а не «здравствуй — до свидания», событий, мыслей за прошедшее время накопилось много, может и не хватить одного листа, скорее всего, не хватит, тогда присовокупится еще один парный лист, — пишущий, расчувствовавшись, неожиданно для самого себя и его испишет со всех сторон. Упавшая прядь волос убирается за ухо, взгляд в окно, за которым ровная ночная темнота с огоньками других окон, где не спят и тоже, может быть, пишут, — чистота белого листа всегда немножко пугает, — но далекий адресат ждет, он, и только он перед мысленным взором, и вот старательно выводится первая строчка: «Здравствуй, мой милый, милый мальчик!..»

— Так это девушка пишет?

— Да, пусть девушка, разницы никакой... Сразу же необходимо известить, что предыдущее письмо получено, оно благополучно дошло и связь не нарушена, можно общаться и дальше, ответ тоже дойдет, все будет прочитано и перечитано... «Твое письмо, опущенное почему-то в Амдерме, шло до меня полтора месяца, и сейчас не любимый нами сентябрь, как ты пишешь, а глухой октябрь. Все листья облетели, на улицах темно, и люди какие-то все стали темные и одинаковые. Иногда так и хочется протереть рукавом эту пелену невской сырости, висящую перед глазами. Ты пишешь, что к тебе привязалась собака и она спит у твоих ног. Так знай: это не собака — это я. Погладь ее, пожалуйста, посмотри в глаза, как ты это умеешь, и, может быть, мне станет радостнее здесь, в городе, одной среди людей...» Ну вот как-то так, — вдруг оборвал сам себя Юрий Семенович, обнаружив, что его не перебивают.

— Напиши мне письмо, — просто сказал сын, глянув на жену.

Та слушала, не мигая, уйдя взглядом в себя, чуть повернув голову к Юрию Семеновичу, сидевшему сзади, чтобы не пропустить ни одного слова.

- Уедешь куда-нибудь — напишу.
- Куда мне уехать?
- Не знаю. Куда-нибудь. В Амдерму.

— Письмо обязательно перечитывалось, исправлялись ошибки, если они обнаруживались, ставились пропущенные запятые. Затем оно складывалось и заклеивалось в конверт. И ты знал, что вот здесь, по этой узкой кромке, она провела кончиком своего языка. Потом нужно было одеться, выйти на улицу, дойти до ближайшего почтового ящика, встать на носочки и опустить его в широкую узкую щель под выдвигаемым козырьком, чтобы услышать, как оно мягко легло во вместительном нутре на пачку чужих и таких же откровенных посланий. А потом жить своей обычной жизнью и ждать ответа. Терпеливо ждать и ждать — без вариантов. Как видите, все это мало похоже на процесс обмена вашими СМС.

А на полярке письма прилетали ко мне прямо с неба, буквально как птицы. Самолет не садился, а, облетая регион, просто выбрасывал мешки с почтой. Бывало, от удара иной разорвется, ну тогда и носимся, ловим на ветру письма, газеты. Главное — письма. Чужое, чужое, бац — тебе!.. Вот радость! Да если еще и от нее!.. Не синицу, а целого журавля как бы ухватишь. Ну, что-то там, конечно, зачитывалось приятелю по комнате. Держать все в себе невозможно, как без этого, делились и сердечным, конечно. Но это самому близкому, а не всей станции и не всему свету. И я до сих пор храню эти письма, выброшенные мне с высоты пятидесяти метров из ЛИ-2, и никому не позволяю читать. Надеюсь, что и она мои хранит. Или хранила до поры до времени...

— А что, что у вас с нею было? — забеспокоилась невестка, почувствовав, что Юрий Семенович намерен рассказ свой закончить.

— Ну, это отдельная история. Я, знаете ли, не любитель возвращаться назад. Но, может, когда-нибудь и расскажу. Тебе одной...

— Ну, отец, попался, она не отстанет.

— Нет, тогда уж лучше сразу...

Есть станции и по семь человек. Меня отправили на крупную, со штатом в тридцать. Зимовали и женщины: и с мужьями, и незамужние девушки. Курсы такие были в Москве — полярных работников, вот там их и клепали. Два года тридцать два человека вместе, как, по-вашему: тесно, просторно?

— Да кто ж его знает... Скучновато как-то.

— Можно и так сказать. Я от этой «скуки» в первую ночь на семь килограммов полегчал. А рыхлым я никогда не был. Ну и не устояли мы там с одной мадам, запуржило в полярную ночь, объяло полярным сиянием да и кинуло друг другу в объятья. Магнитный полюс где-то рядом — не устоишь. Чуть лбами не стукнулись. Она была старше меня на пару лет, опытнее, и, когда всполохи яркие улеглись, начал я понимать, что, во-первых, у нее на меня определенные виды, а во-вторых, связывает нас одна физиология, простите. И не очень мне это стало по душе. Сцены, знаете ли. А на каком, думается, базисе, находясь чуть ли не на льдине, их можно устроить? А ведь устраивала! Смешно. А не отмахнешься. В этом смысле действительно тесновато. Короче, расстались мы, к взаимному облегчению. Я, во всяком случае, точно. Но осадок остался. Ну и не решился я сразу явиться к своему милому адресату с глубокими синими глазами. Хотелось как-то очиститься, проветриться, что ли, — обновиться. Да и не были мы с ней особо друг другу обязаны, любовь у нас была чисто романтическая, должен вам сказать.

Пока борт на Большую землю в гостинице ждал, познакомился с молодым офицером, командировочным из Питера. А пока с ним в номере бутылку-другую спирта с чаем распивали, подружились. Под малосолёный-то омуль!..

Тут Юрий Семенович вкусно причмокнул и прислушался к получившемуся звуку.

— Нет, умом знаю, что вкусно, а самого вкуса уже не вызвать, стерся с катушки памяти... Полетели вместе. Ну а его друзья-знакомые в Питере встретили нас как папанинцев, и пошло-полилось все плавно дальше... Да, кипела жизнь! Ложился, а что назавтра будет, даже не задумывался!

Тут уже сын, притормозив, на мгновение обернулся:

— Так это кто, не Виктор Василич был?

— Да, он самый.

— А какого черта он там делал?

— «Какого, какого»... Военный человек. А там все же погранзона. Я, улетаю вон на Литейный, 4, ходил расписываться кое в чем. А ты думал!..

— Да кто, кто это такой — Виктор Василич? — почти подпрыгивала на своем сиденье невестка.

— Знакомый, дальний какой-то мамин родственник, майор.

— Тогда он пребывал в элегантном звании старшего лейтенанта погранвойск. Цвет фуражки — зеленый.

— Подождите, так, а что с той вашей... которая писала письма? Она кто, вообще, была?

— А вот это уже табу, не пытай!

— Ну, хоть про глаза, чуть-чуть, пожалуйста!..

— В глазах ее хотелось утопиться.

— И вы только целовались с нею...

— Ну-у... да.

— Вы ее любили?

— Конечно.

— Господи, куда действительно катится мир!..

— И как стремительно, заметьте!..

— Сейчас мы все тут заплачем и для полноты картины разобьемся, — недовольно сказал сын, не отрывая взгляда от дороги. — Отец, а ты не думал, что нынешней молодежи, может быть, тоже интересно жить? У вас было свое, у них свое, другое... Темп жизни изменился.

— Думал. Только в добывании денег нет никакой романтики — вот в чем дело. Ни грана! Одно делячество. Как можно обойтись в юности без романтики? Без мечты и веры? Мы вот еще Грином зачитывались... «Мечта разыскивает путь — открыты все пути!» С детства мечтать стать миллионером?... Простите, но это мечта на уровне пещерного сознания: нажраться больше всех мамонта да самый теплый кусок шкуры отхватить. А вы все же образованны, знаете куда больше нашего, поэтому, наверное, и тянет кого в клоаку, кого в наркоту... Потому и выкладываете каждый чих и пук на всеобщее обозрение — хоть чем-то нервы пощекотать. Нет, не поет у меня душа от нынешних дел. «Нет, ребята, все не так, все не так, ребята!..»

— Высоцкий, — опять вполголоса сказал сын.

— Знаю! — почти зло ответила невестка.

— А насчет темпа вот что я понял, дорогие вы мои... Жить надо, вообще, медленно, со вкусом, не надо никуда торопиться, это вот как на

дороге. И темп жизни каждый задает себе сам. Не надо нестись вместе с толпой. Это опасно и неинтересно. Так вообще можно просвистеть мимо самой жизни, в несущемся стаде-то. Не совсем в тему, но как же мне нравится вот эта индийская мудрость: «Не надо ничего делать. Сядь на берегу реки, и она пронесет мимо тебя тело твоего врага». А?

— Красиво! — восхищенно прошептала невестка. — А река эта — Ганг...

— Ну, пусть будет Ганг.

Помолчали.

— Юрий Семеныч, простите, а из-за чего можно было застрелиться на полярной станции? Белое безмолвие?

— Да... Одиночество, гнет ледяной пустыни... А одиночество, помноженное на мрачную русскую тоску, — это страшная штука. У меня на зимовке две пулевые пробоины было в потолке...

— Что, тоже?! — Невестка обернулась, округлила глаза.

— Да нет. Просто кто-то осатанел и расстрелял из карабина лампочку. Пять месяцев ночь... А лампочка в полутора метрах от ствола. С первого раза, наверно, промахнулся...

— Кошмар!.. А вы про радость жизни...

— Кто это прошел, тот умеет радоваться самым тонким проявлениям жизни, уж поверь!

— Такой ценой?

— А цену нужно знать, иначе счастья просто не заметишь.

— Боже, как сложно!

— Случались и сложности, да. Это жизнь.

— Но счастья своего, любви, как ваш Леша, вы в Арктике так и не встретили... Все осталось там, в тех глазах, которым вы не поверили...

— Пожалуйста, прекрати эту песню, — уже совсем строго сказал своей жене сын. — Еще неизвестно, что будет дальше.

Та, недовольная, замкнулась и вжалась в кресло.

— Сама Арктика — она и есть любовь. Но это только между нами! — Юрий Семенович попытался рассмеяться, но дальше заговорил серьезно: — Когда сидишь на острове, все думы о Большой земле, тоскуешь, любишь, рвешься туда. Выедешь, осмотришься, и через месяц тебя еще с большей силой тянет назад, на безлюдный остров во льдах. Я вот ходил-ходил в моря и не выдержал, снова туда вернулся. Две навигации в Дудинке отработал. Летом на Таймыре красота!.. Это называется заболеть Севером. Любовь сродни боли. А представьте, если вас еще накроет и сильная человеческая любовь! Какое испытание сердцу!.. Вот и говорили, что причиной была все же женщина, да... Я про Сашу.

— Он был самый близкий вам?

— Не сказал бы... Он был старше, очень силен физически, всегда спокоен. Мы его просто уважали и слушались. Но обидеть его мог любой. То есть любой слабый, понимаете? Противнику равному или более сильному он ответит, а на слабого махнет рукой. А слабый как раз и бывает подл. У горцев есть пословица: «Рана от меча заживает, а от слова — никогда». Ну а против женщин, Саша сам шутил, он не знал никаких приемов. Он вообще-то борец был, спортсмен.

— Он мне нравится, — негромко сказала невестка.

— Спасибо, милая. Когда-то мы дружили...

— Ну вот маяк...

— Да, да, это он! Узнаю места... Да тут все в коттеджах, однако... Вот здесь, слева, стояли наши палатки, антенное поле, а там ангар — наш дом...